

К 70-летию Армена Джигарханяна

«Буду играть достойно потому, что моя мама во втором ряду сидит»

Среди подарков, которые вручат Армену Борисовичу Джигарханяну сегодня, эта аудиокассета наверняка будет воспринята как самый искренний презент. Без малого почти 30 лет назад Гигик Карапетян на правах друга семьи Джигарханянов гостил в их тогдашней московской квартире в Среднем Кондратьевском переулке. Оставшись вдвоем с Еленой Васильевной Берьян, он уговорил ее в первый и, судя по всему, единственный раз рассказать о сыне. В начале 90-х Елены Васильевны не стало. Сегодня «Газета» впервые публикует ее рассказ.

«Когда началась война, ему было шесть лет. По карточкам мы вдвоем получали 400 граммов хлеба на сутки. Тогда появились талоны на посещение служебной столовой аппарата Совета министров Армении. Как курьер нашего коллектива («Арменджан, эту бумагу понеси туда — принеси сюда!») он получил право на обеды. Незадолго до Нового, 1942 года Армен вдруг отказался от традиционного культпохода, рассуждая по-взрослому: «Заводы, которые делали елки, теперь выпускают пулеметы».

Жили мы в комнатке без удобств, да и входная дверь открывалась прямо на улицу. А учился Армен в ближайшей русской школе имени Чкалова. Как и многие мальчишки, там не блистал, особенно слабо выглядел на уроках родного языка. Я выговаривала: «Нельзя так — подтянись!» В ответ нередко слышала: «Уеду учиться в Россию — там армянский не нужен». Однако за двойки не ругала: «Исправьшись ведь?» — «Конечно, мама!»

Армен часто болел. Несколько раз перенес крупозное воспаление легких, малярию с приступами дважды в день. Пару раз по месяцу оставалась с ним в больницах. Но я легко-его лечила: «Хочешь выздороветь — должен выпить мое лекарство». — «Ладно, мама». И глотал все, что выдавала. Против малярии, как научили меня, пил жутко горькие пилюли, замешанные с перцем, выдерживал очень болезненные уколы. Потом увлекся спортом. Прыгал, бегал, играл в шахматы.

До сих пор дружит с одноклассниками — Амаяк Хачатрян, инженер, Рудик Аствацатрян, врач... Смотрели фильм Эдмонда Кеосаяна «Когда наступает сентябрь»? Там «пожарник» — Сергей Потикян, школьный товарищ Армена. Они очень любили играть в футбол. А Кеосаян часто ночевал у нас, потому что жил на окраине Еревана. Перед тем как пойти на концерт или в театр, Эдик просил: «Тетя Елена, оставьте, пожалуйста, на столе хлеб и сыр, а сами идите спать». Армен возвращался после спектакля, потом Эдик приходил, и они до 3—4 часов ночи пили чай и без умолку разговаривали. Кеосаян всегда советовался с Арменом, как и что снимать в кино.

Он везде со мной бывал — одного не оставляла дома. Даже на стадион вместе бегали. Хотя

Кадр из фильма «Здравствуй, это я!», 1965 г.

я ничего не понимала в футболе. Тогда ведь телевизора не было. Армен еще в садик ходил, когда мы просмотрели все дневные спектакли театра имени Сундукяна. Его директор занес мне на работу годовой пропуск на два места. По дороге домой мы всегда обсуждали все, что видели на сцене, игру актеров. Поэтому, когда возникает разговор об армянском театре, Армен с восхищением вспоминает Нерсисяна, Вагаршяна, Абеяна... Теперь он нередко приносит билеты, и мы с его дочкой Леной

театральный институт. Пошла к ректору Саркисяну, которого знала как скульптора, все объяснила и попросила: «Разрешите сыну сдавать экзамены на русском?» — «Пожалуйста. Нам надо разглядеть, есть талант или нет. Знание языка нас меньше всего интересует».

До той встречи я обратилась к своей знакомой Гарагаш (ттец, педагог того же института. — «Газета»): «Айкуш! Может, посмотрите, стоит ли Армену идти в актеры?» — «Хорошо. Пусть зайдет ко мне этот несчастный

Чуть ли не каждый год я брала отпуск и выезжала с Арменом на гастроли театра имени Станиславского — в частности в Харьков, Ригу... Хотела, чтобы он питался моими обедами, а не в забегаловках. Когда он возвращался после спектакля, я его спрашивала: «Пришли зрители?» — «Мама, о чем спрашиваешь? Свободных мест не было». А в Ереване публика не очень-то знала дорогу в русский театр.

Гулакян, будучи очень черствым человеком, за четыре года совместной работы в театре име-

Он поступал в ГИТИС. Два тура прошел, на третьем отказали: «Чтобы избавиться от небольшого акцента, поживите годик в Москве, и в следующий раз мы вас зачислим».

посещаем дневные спектакли. Когда я собираюсь в театр, с утра настраиваюсь к празднику. А на премьеры с участием Армена хожу обязательно.

В детстве на новогодних елках он никогда не выступал. Присаживался в углу и наблюдал за происходящим. Когда Армен закончил школу, я посоветовала: «Хорошим артистом сразу не становятся. Для надежности своего будущего попробуй сначала поступить в технический вуз». Поразмыслив, он ответил: «Так и быть — обязательно выучусь на инженера, о чем ты мечтаешь, но ни одного часа не проработаю по специальности. Сразу пойду в театральный!» — «Тогда зачем тратить лишние пять лет? Коль уверен в себе, действуй так, как сам решил».

Он поступал в ГИТИС. Два тура прошел, на третьем отказали: «Чтобы избавиться от небольшого акцента, поживите годик в Москве, и в следующий раз мы вас зачислим». После того как он по телефону рассказал обо всем, я приехала сюда. И решила: «Нет, мы вернемся домой — не могу содержать тебя тут». Чтобы не болтался, попросила директора «Арменфильма» Степаняна пристроить сына. И Армен, став помощником оператора, до следующей осени таскал аппараты, ездил по районам на съемки. Приближалась пора вступительных экзаменов в Ереванский

человек». После того как они пообщались, Гарагаш рванула в институт: «Товарищи, к нам собрался талант!» Армен сдал все экзамены на пятерки. Показал, мне рассказывали, такой этюд, что отборочная комиссия долго хохотала. Правда, на первых двух курсах ему было очень тяжело: занятия проходили на армянском языке, а он отвечал по-русски. Все четыре года и учился хорошо, и успевал играть в русском театре имени Станиславского, где директором работал профессор Гулакян. Он и забрал Армена к себе.

Вай мэл! Как называлась пьеса, где Армен получил первую роль, — не вспомню. Появился на сцене с винтовкой. Играл красноармейца, которого угостили селедкой. Я смотрела и верила ему. Дома уточнила: «Ты ел рыбу?» — «Нет, кусок черного хлеба». После спектаклей он, уставший, возвращался так поздно, что не мог утром идти в институт. Приходилось выручать, звонить Гулакяну: «У Армена зуб болит». Но его учитель прекрасно знал, что я вру. Поэтому часто просила сына: «Ну оставь театр — окончи сначала институт!» Вместе с тем не думаю, что какую-то иную профессию он любил бы так, как работу в искусстве. В институте он очень хорошо сдал дипломный спектакль. Подошли ректор и проректор, поздравили меня: «Ваш сын — талант, наш лучший студент!»

ни Станиславского и ТЮЗе ни разу не сказал: «Армен Джигарханян». Имя не произносил. Однажды в ТЮЗе Гулакян поставил пьесу, где Армен (почти шепотом) играл Ленина. И я, конечно, пошла на премьеру. Когда на поклон вышел Гулакян, зрители зааплодировали. Ленин (Армен) и Дзержинский (Элбакян) стояли рядом. Гулакян расцеловал их. Потом многие спрашивали друг у друга: как такое могло случиться? Гулакян никогда не хвалил своего ученика. Но, ссылаясь на жену учителя, говорили, что тот очень любил Армена. Когда он не успевал в институте, Гулакян приговаривал: «Дорогой, кто или что тебе мешает хорошо учиться?» Хотя специальность Армен сдал на четверку, непрофильные — история КПСС, черчение — хромали.

Армен переехал в Москву в 1967-м. Не без приглашения Эфроса. ...Да, первая удачная картина — «Здравствуй, это я!». Но бывали случаи («Обвал», «Король Лир»), когда снимали пробы и не утверждали, а он очень болезненно переживал: «Как это так? Значит, я — не хороший актер?» Потом привык, хотя иногда возникали неприятные ситуации.

Эфрос посмотрел «Здравствуй, это я!» и сразу три-четыре пригласительные телеграммы отправил в Ереван. Армен покинул свой театр в середине сезона. Конечно, его вызывали в ЦК Компартии Армении. Пообещав за-

квартиру и иные блага, настоятельно просили отказаться от переезда в Москву. «Нет, я уеду!» А в столице его очень хорошо приняли. Сначала поселили в общежитии, куда я, конечно, приехала. Потом быстро выделили двухкомнатную квартиру на Веерной. Четыре года там жили. Потом дали эту четырехкомнатную квартиру. Вскоре сына поздравили со званием народного артиста России. Останься мы в Ереване, уверена, никто и не вспомнил бы об обещаниях ЦК. Армен, проработав 13 лет в Театре имени Станиславского, получил лишь заслуженного артиста Армении.

Он уже работал в московском «Ленкоме», когда Эфроса забрали оттуда. Потом его пригласили в Театр имени Маяковского. На мой взгляд, Сократ — самая трудная его роль. Они три года репетировали! Армен очень переживал: получится — не получится, пропустят — не пропустят. Потом пауза. И вновь репетиции. Слава богу, приняли очень хорошо. «Сократ» соответствовал его человеческому характеру. До спектакля «Беседы с Сократом» он, как правило, днем спал полтора-два часа. Кто бы ни звонил, к телефону его не подзывали, дома все строго поддерживали тишину. Но чтобы Армен закрылся в комнате со словами «я роль учу — не мешайте», этого никогда не случалось. В хорошую погоду он пешком добирался до театра... Как признавался мне, «иду и спокойно размышляю обо всем». Видели бы вы, каким он возвращался после «Сократа» или «Трамвая «Желание». Выжатый лимон, бледный, предельно уставший. Сколько он себя тратил во время этих спектаклей? Голос терял — дома лечили связки, я делала гоголь-моголь, что-то с молоком...

Он выполняет все, что мы просим дома. «Армен, Лене надо купить пианино». — «Завтра пойдем выбирать». — «Лена хочет рыбки аквариумные». — «Завтра пойдем купим и рыбки, и аквариум». Он всех любит. Обо всех заботится. Режиссер Шабоян, замечательный парень, заболел неизлечимой красной волчанкой. Пять лет Юру, у которого в Москве никого не было, перевозили из больницы в больницу. Армен привозил к нему одного профессора за другим, а после операции не отходил от него, каждый раз оставляя под подушкой Юры деньги для врачей и сестер.

Когда сам болеет, тоже идет к врачу, берет бюллетень. Но забывает о нем, когда речь идет о генеральной репетиции или предстоящей премьере. После нее ночью может сесть на «Красную стрелу», днем работать в Питере, а на следующее утро вновь спешит в театр. Однажды, когда снимали фильм «Человек на своем месте», в подобном ритме он жил и работал целый год!

Как-то перед началом спектакля «Трамвай «Желание» я оказалась за кулисами. Кто-то строго объявил: «Среди зрителей — министры, хорошо играйте!» Армен отреагировал: «Буду играть достойно потому, что моя мама во втором ряду сидит!» (Смеется.) И всегда находил меня в зале. Чтобы обменяться взглядами».